

Д. Н. Старостин

АНТИЧНОЕ НАСЛЕДИЕ В РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ: ПРИМЕР РЕФОРМЫ КАЛЕНДАРЯ

Каролингское возрождение – период широкого распространения грамотности и развития культуры, пришедший на правление первых франкских королей этой династии. Обращение к античному наследию было неотъемлемой частью этого процесса, и именно тогда оно приобрело другое значение по сравнению с тем, которое наблюдалось в период, непосредственно последовавший за падением Римской империи в 476 г. В каролингскую эпоху знание перестало быть привилегией отдельных образованных людей: в это время короли предприняли ряд мер для поднятия уровня образованности своих подданных, особенно священнослужителей. Примером этому может служить *Admonitio generalis*, капитулярий Карла Великого. Особенности сохранения античной культуры и адаптации ее наследия к новым историческим реалиям являются вопросом, от ответа на который зависит наше понимание процесса перехода от античности к средним векам. Одним из примеров того, как античная культура была приспособлена к нуждам средневековой Европы, стал процесс преобразования римского календаря, который и заложил основы нашей современной системы исчисления времени. Эта тема актуальна и сейчас, когда новые исследования показали, как можно по-новому посмотреть на целый ряд проблем истории культуры путем выявления изменений в ритмах жизни, отражавшихся в календарях. В нашем случае рассмотрим вопрос об адаптации античного календаря к условиям средневековья.

Трактаты, посвященные исчислению времени, стали важным типом источников о раннем средневековье. Среди различных дисциплин научного знания именно хронология выделилась в особую уже в поздней античности, а в ран-

нем средневековье она стала одной из наиболее развитых. Каноническое средневековое разделение научных дисциплин на тривиум и квадриум, ставшее характерным для монастырских и епископских школ, появилось позднее. В раннем же средневековье необходимость высчитывать дату Пасхи, которая зависела от согласования солнечного и лунного календарей, потребовала превращения исчисления времени из прикладной дисциплины в область научного знания и привела к созданию собственных традиций и правил. В это время учебники по вычислению дат стали своего рода энциклопедиями, содержащими основополагающие сведения не только по астрономии и математике, но и по истории и основным постулатам христианской доктрины¹. Наиболее известным из них является трактат Беды Достопочтенного «*De temporum ratione*», но были и другие, значимость которых ничуть не уступает труду англосаксонского монаха. При обращении к календарям авторы подобных трактатов интересовались не только математическими и астрономическими особенностями исчисления времени. Их подход был скорее историческим, потому что авторы включали отдельные сведения по истории календарей в свои сочинения. Так, Исидор Севильский ввел описание различных календарей и хронологических систем, которые можно было найти в античности, в главу, посвященную краткому изложению всеобщей истории. В своем сочинении Беда предпринял небольшой экскурс в историю римского, греческого, иудейского и англосаксонского календарей. Более того, он тщательно описал названия и способы счета дней месяца, характерные для этих систем хронологии. Знание античного наследия в области исчисления времени было обязательным для любого образованного человека в раннем средневековье. Но не только знание античного наследия в области календарей, но и понимание контекста, в котором возникли те или иные традиции, присутствовало в сочинениях, посвященных хронологии.

Вышедший несколько лет назад монументальный труд Борста² показал, что изменения в способах исчисления времени в раннем средневековье явились результатом не просто рецепции, но и значительной переработки античного наследия. Кроме этого, он уточнил хронологию и обрисовал стадии процесса восприятия античных календарей в условиях раннесредневековой Европы. Он подчеркнул, что до конца VIII в., периода, к которому относится энциклопедия Беды Достопочтенного, различные традиции летосчисления, сложившиеся в античности, были во многом равнозначны. Люди продолжали жить в мире, где время текло так же, как и в поздней античности с характерным для нее синтезом римско-эллинистических традиций и христианского календаря. Борст показал, что, описывая и сравнивая традиции исчисления времени, возникшие в разных регионах Средиземноморья, Беда чувствовал себя не как сторонний наблюдатель, принадлежащий уже к средневековой культуре, а как человек, для которого средиземноморское культурное пространство все еще было «своим».

Борст попытался доказать, однако, что подход к античным и позднеантичным системам исчисления времени изменился, когда начался подъем интереса к культуре в рамках «Каролингского ренессанса». Важным этапом создания нового календаря стали попытки внести порядок в исчисление времени, пред-

¹ *Stevens W.M. Astronomy in Carolingian Schools // Karl der Grosse und sein Nachwirken: 1200 Jahre Kultur und Wissenschaft in Europa / Ed. P. Butzer, M. Kerner, W. Oberschelp. Vol. 1. Turnhout, 1997. P. 417–487.*

² *Borst A. Die karolingische Kalenderreform. Hannover, 1998.*

принятые при дворе Карла Великого. Именно во времена этого императора римский календарь с его нонами, идами и календами был окончательно заменен современными способами счета дней месяца. «Каролингский ренессанс» в области хронологии состоял в том, что разрозненные позднеантичные хронологические традиции были не просто восприняты, но значительно переделаны, адаптированы и сведены в единый календарь, которым мы пользуемся и сегодня.

Именно в этом контексте стоит посмотреть на один тип источников по истории календаря, на который исследователи не обращали достаточного внимания. Сравнение иконографии месяцев и времен года в античных и средневековых рукописях может дать интересные свидетельства о том, как менялись представления о ходе времен года, и о том, действительно ли во время «Каролингского ренессанса» произошли кардинальные сдвиги в восприятии времени.

Для начала сделаем краткий экскурс в античную иконографию времен года, которая является главным источником представлений о времени, характерных для большинства населения Римской империи. С одной стороны, изображения месяцев были связаны прежде всего с официальными языческими культами: месяцы Юпитера, Венеры или Цереры – именно такие истолкования можно дать некоторым изображениям³. Мозаики Северной Африки, например, в Эль-Джеме (начало III в.), изображают ритуалы, сопутствовавшие празднованию этих и других официальных римских культов⁴. В Италии, где политические символы римского владычества принимались в первую очередь, выбитые на камнях календари соединяли официальный год из двенадцати месяцев с циклами сельскохозяйственной жизни. Они упоминали рядом с названием месяца знак зодиака, основной праздник и работы крестьян⁵.

Официальный календарь, однако, имел мало общего с ритмами сельскохозяйственной жизни. В сельской местности было свое собственное восприятие годовичного цикла. Когда сельскохозяйственные виды занятий появляются в изображениях года, они чаще всего принимают форму четырех времен, каждому из которых соответствует один или несколько типов работ. В агрономических трактатах Катона, Колумеллы и Варрона можно найти именно такой подход, потому что в них год описывается как последовательность сельскохозяйственных работ, в котором дробление на месяцы не выражено. Время в эпоху республики и принципата еще не было поделено на двенадцать месяцев. Только после того, как римский календарь, введенный Цезарем и Октавианом Августом, стал обыденным, Палладий, автор II в. н.э., сгруппировал крестьянские работы по месяцам⁶. Но в римских провинциях иконография сезонов

³ Исследование античных календарей показывает, что римские названия месяцев привились только там, где центральная власть была достаточно сильна. Например, в Элладе и на побережье Малой Азии пользовались либо римским календарем, либо делали день рождения императора Августа началом года. С другой стороны, в Восточном Средиземноморье, как и в глубинных областях Малой Азии, в календарях по-прежнему использовались эллинистические названия. Из этого следует, что юлианский календарь воспринимался как часть имперской идеологии. См. *Kubitschek W. Die Kalenderbücher von Florenz, Rom und Leyden // Denkschriften der Akademie der Wissenschaften in Wien, Philosophisch-Historische Klasse. Bd 57. 3. 1915. S. 41, 54; Beilage I.*

⁴ *Parrish D. Season Mosaics of the Roman North Africa // Archaeologica. 1984. 46. P. 52, 113–120, 156–160.*

⁵ *Menologium rusticum Colotianum / Vallense // CIL VI. 1. P. 637–639.*

⁶ См. обзор в: *Butzer K.W. The Classical Tradition of Agronomic Science: Perspectives on Carolingian Agriculture and Agronomy // Science in Western and Eastern Civilization in Carolingian Times / Ed. P.L. Butzer, D. Lohrmann. Basel, 1993. P. 539–596.*

осталась важнейшим элементом представлений о времени как о сельскохозяйственном цикле. Например, фризмы, фрески и мозаики из Северной Африки и Восточного Средиземноморья содержат такие символические картины⁷. Вышеупомянутая мозаика из Эль-Джема изображает четыре времени года, каждому из которых соответствует какой-то тип сельскохозяйственных работ. В местечке Сен-Ромен-ан-Гол во Франции можно найти мозаику IV в., которая состоит из жанровых сценок, сгруппированных по временам года, и по сути является изображением сельскохозяйственных трудов⁸. В кодексе 354 г., содержащем календарь, только четыре из двенадцати изображений, соответствующие февралю, марту, августу и сентябрю, имеют какое-то отношение к деятельности земледельцев, а в остальных восьми показаны обобщенные образы⁹. Авзоний из Бордо (IV в. н.э.) в своей стихотворной энциклопедии описывает девять из двенадцати месяцев в связи с их эпонимами, т.е. римскими мифологическими героями (например, Янусом) и двумя императорами, Цезарем и Октавианом Августом, которые собственно и создали календарь. Но только два месяца, чьи названия соотносятся с их порядковым номером в старом римском календаре (сентябрь и октябрь), Авзоний связывает с сельскохозяйственными трудами. Сентябрь был временем сбора винограда и производства вина, а октябрь – временем сбора зерна¹⁰. Итак, даже в поздней Римской империи роль земледелия еще не ассоциировалась с месяцами, чьи названия вызывали в памяти имена мифологических персонажей и двух первых императоров. Среди различных представлений о времени в каролингскую эпоху можно найти отражения подобной иконографии. Когда в 790–792 гг. Теодульф из Орлеана написал свои «*Libri Carolini*», чтобы обсудить использование изображений, он затронул проблему календарей¹¹. В частности, он писал: «Также неясно, противоречат ли эти художники Писанию – в котором едва ли есть подобные вещи – когда они изображают двенадцать ветров с помощью человеческих фигур, в соответствии с их силой; или когда они придают человеческий облик временам года, в соответствии с тем, что каждый из них приносит в качестве плодов, рисуя некоторых совершенно обнаженными, некоторых в одеяниях; или когда они рисуют четыре времени года, как человеческие фигуры, одну в цветах, как весну, другую закаленную солнцем или сгибающуюся под тяжестью урожая, как лето, или несущую гроздь винограда, как осень, или замерзающую от холода, или греющуюся у огня, или подкармливающую скот, или ловящую ослабших птиц, как зиму»¹².

Описание Теодульфа показывает, что увиденная им иконография соответствует позднеантичным традициям. Он описывает изображения месяцев в виде человеческих фигур, которые дополняются четырьмя временами года,

⁷ Stern H. Les calendriers romains illustrés // *Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt*. Teil 2. Prinzipat. Bd 12. 2. B., 1981. P. 468–469.

⁸ Ibid. Pl. XIX, 49–53.

⁹ Brussels. Bibliothèque Royale. Ms. 7543–7549. F. 201r; Hammer C.I. Charlemagne's Months and their Bavarian Labors: The Politics of the Seasons in the Carolingian Empire. Oxf., 1997. P. 27.

¹⁰ Ausonius. Item Disticha. Eclogae X // Ausonius. Trans. by H.G. Evelyn White. L., 1919. P. 184–185.

¹¹ Политическое и теологическое значение этого трактата рассмотрено в: Freeman A. Carolingian Orthodoxy and the Fate of Libri Carolini // Viator. 1985. 16. P. 65–108.

¹² Opus Caroli regis contra synodum (Libri Carolini) / Ed. A. Freeman, P. Meyvaert. Hannover, 1998. P. 150–151.

представляющими годичный сельскохозяйственный цикл. Зерновые культуры летом, виноград осенью, ловля птиц зимой. Подобные изображения можно найти в календаре из монастыря Райхенау, где традиции позднеантичной иконографии выражены очень сильно. Так, большинство изображений содержат знак зодиака и фигуру человека, чья одежда и поза дают представление о времени года. В этих изображениях уже нет ритуального поклонения римским богам, характерного для позднеантичных изображений; они также не являются просто жанровыми сценками. Скорее это попытка обобщить представление о месяцах, уместное не только в светском, но и в монастырском контексте. Картины в описании Теодульфа и в календаре из Райхенау точно соответствуют иконографии месяцев из кодекса-календаря 354 г., который стал своего рода эталоном представлений о времени, характерных для аристократии поздней античности.

Однако несмотря на то что одна из традиционных для поздней античности форм иконографии месяцев и времен года была известна в каролингскую эпоху, можно отметить, что в это время наблюдается обращение и к другим традициям, существовавшим в Средиземноморье. Были и другие варианты изображения времен года в начале IX в., которые сильно отличаются от того, что можно найти в кодексе-календаре 354 г. Более того, забегая вперед, отметим, что именно этот способ изображения и стал доминирующим в иллюстрированных средневековых календарях. Это не значит, что в каролингскую эпоху придумали новый способ исчисления времени. Однако можно говорить о том, что в начале IX в. изображение месяцев не только как обобщенных символов, но и как жанровых сценок, посвященных сельскохозяйственной деятельности, стало актуальным и интересным.

Иконография календаря, появившегося в Зальцбурге в 818 г., уже значительно отличается от представления о месяцах, описанного Теодульфом из Орлеана¹³. Это изображение годичного цикла – интересный пример того, как двенадцатимесячный календарь превратился в календарь крестьянских работ. Большинство римских месяцев в этой рукописи (девять) иллюстрировано деревенскими сценами. Например, февраль отводится ловле птиц. Апрель соответствует изображению человека, держащего пучок сена в одной руке и несколько веток дерева с почками в другой. Хотя почки напоминают о вербном воскресении, пучок сена может говорить о другом. Ученые предполагают, что эта картина может отражать традиционную для баварских крестьян практику скармливать весной веточки рогатому скоту, когда кормов не хватало¹⁴. Изображение пахаря, боронящего землю под паром, соответствует июню, июль нарисован в виде человека с косой, август символизирует человек с серпом. Сентябрь, согласно видению художника, был временем сева яровых, октябрь – месяцем сбора винограда. Ведущий свинью человек изображает ноябрь, а стоящий рядом декабрь представлен как человек с ножом, готовый ее заколоть. Только январю, марту и маю не соответствует никакого крестьянского занятия. Первый месяц представлен человеком, греющим руки у огня. «Человек марта» держит в руках птицу и змею, которые могут являться символами

¹³ Зальцбургский календарь: Wien. Österreichische Staatsbibliothek. Cod. 387. Fol. 90v. Опубликовано в: *Swarzenski G. Die Salzburger Malerei: von den ersten Anfängen bis zur Blütezeit des romanischen Stils. Studien zur Geschichte der deutschen Malerei und Handschriftenkunde des Mittelalters. Lpz, 1913. Tafelband. Fig. 20.*

¹⁴ *Hammer. Charlemagne's Months...* P. 25. Not. 114.

весны¹⁵. Май, в свою очередь, изображен человеком с цветами, символом зеленеющих лесов и лугов. Девять из двенадцати месяцев в Зальцбургском календаре соответствуют крестьянской деятельности, и это значительно отличается от того, как год изображался в античности и раннем средневековье.

Исследователи подчеркивают, что подобные изображения были новыми в Европе, что они появились только в IX в.¹⁶ и быстро стали традицией – такого рода картинки можно найти во многих иллюстрированных календарях раннего и позднего средневековья. Например, иллюстрации к календарю в рукописи *Chronicon Zwiefaltense minus* (XII в.) состояли не только из знаков зодиака, но и набора изображений, соответствующих двенадцати крестьянским видам деятельности¹⁷. Изучение фасадов средневековых монастырей и соборов в Везелэ, Отене, Олнэ, Сен-Дени и Шартре свидетельствует, насколько важны сельскохозяйственные мотивы для изображения месяцев¹⁸. Полукруглые порталы здесь украшены знаками зодиака и картинками работающих селян. «Крестьянские» календари говорят о важности ритмов сельской жизни для средневекового сознания¹⁹. Поэтому неудивительно, что хорошо известный иллюстрированный календарь герцога Беррийского использовал подобные средневековые образы, чтобы проиллюстрировать времена года²⁰. Конечно, античная традиция изображать год с помощью знаков зодиака осталась, и ее можно найти в рукописях, на барельефах и в рисунках²¹. Однако следует отметить, что изображение года как последовательности месяцев, которым соответствуют крестьянские будни, стало одной из отличительных черт средневекового восприятия времени.

Появление календаря из Зальцбурга связано с деятельностью епископа Арна, который наряду с Хильдебальдом из Кельна был соратником Карла Великого в деле реформы календаря. Ведь не только ученые монахи, но и короли были заинтересованы в создании нового календаря. Карл Великий, как показывают документы, своей санкцией одобрил трудоемкие занятия по адаптации позднеантичных календарей к условиям Европы. В *Admonitio generalis*, декрете, выпущенном в 789 г., он предписал епископам и монахам разработать улучшенную систему счета времени²². Эта задача также упоминается в декрете «*Epistola de litteris colendis*», составленном при участии Алкуина и распростра-

¹⁵ Ibid. P. 23.

¹⁶ *Swarzenski*. Die Salzburger Malerei... S. 15.

¹⁷ *Chronicon Zwiefaltense minus*. Stuttgart. Württembergischen Landesbibliothek. Cod. Hist. 415. F. 17 v. Цит. по *Steinen W. von den*. *Homo Caelestis: Das Wort der Kunst im Mittelalter*. Bern, 1965.

¹⁸ *Panadero M.J.H.* The Labors of the Months and the Signs of Zodiac in Twelfth-Century French Façades. Diss. University of Michigan, 1984. P. 19–97.

¹⁹ Ibid. P. 244–245.

²⁰ The Très Riches Heures of Jean, Duke of Berry / Ed. J. Lognon, R. Chazelles, M. Meiss. N.Y., 1969. Восемь из двенадцати месяцев в этой рукописи иллюстрированы соответствующими сельскохозяйственными работами, а четыре оставшихся (январь, апрель, май, август) – праздниками, охотой и буколическими сценами.

²¹ *Panadero*. Labors of the Months... P. 127–131. Среди них – календарь из Райхенау (середина IX в.), изображение Небесного Иерусалима в Утрехтском Псалтыре, два сакраментария из Фульды (X в.), два ящичка из слоновой кости из мастерских Фульды (X в.), рукописи с календарями (XI в.) и плащаница св. Эвальда в церкви св. Куниберта в Кёльне (XII в.).

²² *Admonitio generalis*. Cap. 72 // MGH Leges in quarto. Legum sectio II: Capitularia regum francorum I. Hannover, 1883. P. 54–62.

ненного епископами между 794 и 800 гг.²³ В 805 г. Карл Великий сделал запрос об успехах реформы²⁴. В 809 г. император собрал ученых монахов и задал ряд вопросов по составлению календаря, попросил их определить год от рождения Христова, месяц и день года, дату Пасхи и т.п.²⁵ Должностные лица королевского двора записали ответы и представили их Карлу Великому, создав, таким образом, первый «каролингский» учебник по хронологии²⁶. Однако монахи не справились с задачей, в их ответах было много расхождений. Недовольный этим Карл Великий созвал их в Аахен в 809 г., чтобы в скором порядке создать единый календарь, который до его смерти так и не был составлен.

Отдельные исследователи считают, что интерес к циклу сельскохозяйственных работ был лишь альтернативой «имперскому» календарю. Борст утверждает, например, что подобный способ исчисления времени года, основанный на слиянии сельскохозяйственного цикла и церковных праздников, не имел шансов на успех²⁷. Однако в представлении хронистов каролингской эпохи такой способ описания года был не просто альтернативой, а, наоборот, одним из главнейших направлений реформы календаря, предпринятой правителем франков. Некоторые из них считали, что Карл Великий уделял одинаковое внимание как сведению в одну таблицу разных астрономических календарей, так и созданию календаря для сельскохозяйственных нужд. Эйнхард сообщает, что в 800 г. король решил переименовать месяцы и заменить ставшее нормой после падения Римской империи смешение латинских и германских названий²⁸. Например, он назвал июнь месяцем пара (Brachmanoth), июль – месяцем сена (Hewimanoth), август – месяцем урожая (Aranmanoth), сентябрь – месяцем леса (Witumanoth), октябрь – месяцем изготовления вина (Windumemanoth)²⁹. Исследователи указывают, что, поскольку новые названия были франкскими (германскими), это переименование шло вразрез с очевидной лингвистической политикой Карла Великого, который как раз стремился укреплять средиземноморские, романские корни своей империи³⁰. Поэтому введение новых названий выглядит как интересный парадокс в программе построения империи. Так как замечание Эйнхарда не подтверждается ни одним другим источником, исследователи даже предложили считать его выдумкой хрониста, написавшего историю императора франков спустя тридцать лет³¹.

Но именно Карл Великий предложил свести вместе традиционный сельскохозяйственный и церковный календари в «Capitulare de villis». В нем он описал, как управляющие должны были следить за королевскими землями. В своем законе Карл Великий требовал, чтобы лошади были хорошо накормлены на

²³ Epistola de litteris colendis // Alcuin and Charlemagne / Ed. L. Wallach. N.Y., 1959. P. 201–207; Stevens W. Cycles of Time and Scientific Learning in Medieval Europe. Aldershot, 1995. P. 174. Not. 40.

²⁴ Capitulare missorum in Thedonis villa datum primum. Cap. 6 // MGH Capitularia / Hrsg. A. Boretius. T. 1. Hannover, 1883. P. 121; Stevens. Cycles of Time... P. 175.

²⁵ Capitula, de quibus convocati compotiste interrogati fuerunt. Cap. 42. Latin 2796. Fol. 98r–99r; опубликовано в: MGH Epistolae 4 / Hrsg. E. Dümmler. Hannover, 1895. P. 565–567.

²⁶ Borst. Die karolingische Kalenderreform. S. 318. Anm. 11.

²⁷ Ibid. S. 240: «Das war leichter gesagt als getan».

²⁸ «Partim Latinis, partim barbaris nominibus...».

²⁹ Einhard. Vita Karoli Magni. Cap. 29.

³⁰ Hammer. Charlemagne's Months... P. 13. Not. 58; Richter M. Die Sprachpolitik Karls des Grossen // Sprachwissenschaft. 1982. 7. S. 416.

³¹ Borst A. Kaisertum und Namentheorie im Jahre 800 // Zum Kaisertum Karls des Grossen: Beiträge und Aufsätze / Hrsg. G. Wolff. Darmstadt, 1972. S. 216–239.

пастбищах к празднику св. Мартина (11 ноября), чтобы свиньи были готовы к зимовке 1 сентября и чтобы держатели земли заплатили ценз в вербное воскресенье. Таким образом, сельскохозяйственный год соотносился с церковными праздниками³². Такого рода сводный календарь включал самые важные моменты сельскохозяйственного цикла, преобразованные в ключевые дни года, которые были приурочены к церковным праздникам³³. Использование церковных и сельскохозяйственных календарных циклов, свидетельством чего являются грамоты из Фульды, ничем не отличается от той картины, которую император франков обозначил своими актами.

Даже если Карл Великий сам не придумывал новые названия для месяцев, нам важно то значение, которое придавал этому историк его правления Эйнхард. Его сообщение показывает, что новые названия для месяцев были не просто попыткой найти германские (или франкские) эквиваленты латинским. Сравнение между англосаксонскими обозначениями и названиями, упоминаемыми Эйнхардом, показывает, что между ними было много различий и что последние не имели ничего общего с германской традицией. Франкские названия имеют мало общего и с англосаксонской традицией, представленной в трактате Беды Достопочтенного «*De temporum ratione*», написанном в 725 г.³⁴ Франкские месяцы должны были носить следующие названия: январь – месяц зимы (*Wintarmanoth*), февраль – неполный месяц (*Hornung*, возможно, от *hornungr*, «ублюдок» в древненорвежском, из-за его краткости), март – месяц весны (*Lentzinmanoth*), апрель – месяц Пасхи (*Ostarmanoth*), май – месяц пастбища (*Winnemanoth*), июнь – месяц пара, июль – месяц сена, август – месяц урожая, сентябрь – месяц леса, октябрь – месяц виноделия, ноябрь – осенний месяц (*Herbistmanoth*) и декабрь – святой месяц (*Heilagmanoth*). Шесть из этих названий (с мая по октябрь) имеют прямое отношение к сельскохозяйственной деятельности, тогда как в англосаксонской традиции только два месяца можно увязать с крестьянскими трудами. Во-первых, это май, называемый *Thrimilchi* («трижды доенный?»), и, во-вторых, август – месяц травы (*Weodmonath*), в то время как другие названия имели в своей основе имена богов или сезонные особенности климата. Новшества, приписываемые Эйнхардом Карлу Великому, были более чем просто попытка опереться на племенные древности, и его календарь был сельскохозяйственным.

Рукопись с изображениями двенадцати месяцев является энциклопедией по календарям, составленной под руководством Арна³⁵. Интерес к различным способам исчисления времени привел к тому, что месяцы как символы крестьянских работ заняли важное место среди хронологических схем. Беремся утверждать, что появление или возрождение интереса к этой позднеантичной традиции стало особенно актуальным в связи с тем вниманием к сельскохозяйственной деятельности, которое Карл Великий и его двор выказывали в своих капитуляриях и которое аббаты и епископы вынуждены были уделять в договорах о дарениях и держаниях, заключаемых с богатыми соседями монастырей.

³² *Idem*. Die karolingische Kalenderreform. S. 240: «Ihren Rahmen bildete das Jahr, man möchte fast sagen, das Wirtschaftsjahr, obwohl als Fristen mit Vorliebe kirchliche Festtagen fungierten».

³³ *Ibid.*: «Detalliert, genau, übersichtlich: Das im Jahreslauf Berichtswürdige war also zuerst aus dem Wust der täglichen Kleinigkeiten auszugrenzen, dann im einzelnen Punkt für Punkt zu bewerten und schliesslich im ganzen überschaubar darzustellen».

³⁴ Bede. *De temporum ratione liber* // *Beda Opera*. Vol. 6. Opera didascalica. Vol. 2 / Ed. C.W. Jones. Turnhout, 1977. P. 329–332.

³⁵ Hammer. Charlemagne's Months... P. 51–52.

Этот календарь, как показывает исследование других календарей IX в., имел прямое соответствие с циклами сельскохозяйственной жизни в Северной Европе. Например, календарь из Зальцбурга фиксирует пахоту в июне, косьбу в июле и время жать пшеницу серпами в августе³⁶. Поэма о календаре Вандальберта показывает, что сентябрь был временем, когда крестьяне должны были рубить дрова и собирать ягоды в лесу³⁷.

Зачем же, в представлении Эйнхарда, Карлу Великому нужно было переименовывать месяцы в соответствии с циклом крестьянских трудов? Эти и другие более точно документируемые нововведения в области календаря в VIII–IX вв. отразили существование двух противоречий. Христианская империя Карла во многом отличалась от Римской империи, чье наследство она пыталась использовать для создания нового порядка. Незначительный слой людей церкви, образованных в духе позднеантичной христианской традиции, существовал в море неграмотного сельского населения. Римский календарь, хорошо знакомый клирикам при дворе Карла Великого, едва ли имел то же значение для сельских общин.

Можно предположить, что в королевстве франков крестьяне обращали внимание прежде всего на смену времен года в силу своей деятельности. Смена времен года по средиземноморскому календарю вряд ли имела для них то же самое значение, что и для образованных церковников. Например, в то время как в Средиземноморье распаивание пара производилось весной, в северной части Европы этому был отведен июль³⁸. Другим моментом различия между погодными циклами Средиземноморья и северной части Европы является ноябрь. В то время как у античных авторов осень заканчивалась в первой декаде ноября, название «осенний месяц», приписываемое Карлу Великому, предполагало, что для него в ноябре осень была в полном разгаре³⁹. Классические описания времен года были слишком общими, чтобы объяснить все детали сельскохозяйственного года средневековой Европы. В то время как они упоминают только зерновые культуры и сбор винограда летом и осенью и изображают весну как время цветения, поэма Вандальберта из Прюма, монаха, жившего и писавшего в третьей четверти IX в., упоминает больше различных видов деятельности крестьян⁴⁰. Поэтому попытки создать календарь для империи франков на основе римских сельскохозяйственных и природных циклов вряд ли были успешными.

Новые названия месяцев, которые Эйнхард приписывает Карлу Великому, можно считать более «естественными» для северной части Европы, чем названия месяцев римского календаря, потому что они были связаны с практикой крестьянской жизни⁴¹. Описывая переименование летних и осенних месяцев, самого занятого времени для крестьянина, Эйнхард пытается подчеркнуть, что императору следовало отдать дань тем повседневным природным

³⁶ Wien. Österreichische Staatsbibliothek. Cod. 387. Fol. 90v; Swarzenski. Die Salzburger Malerei... Tafelband. Fig. 20.

³⁷ *Wandalbertus Prumiensis*. De mensium duodecim nominibus signis culturis aerisque qualitibus. De septembri // MGH Poetarum latinorum medii aevi. Vol. 2 / Hrsg. E. Dümmler. München, 1978. P. 612–613.

³⁸ *Riché P.* Carolingiens: La famille qui fit l'Europe. P., 1979. P. 159; *Wandalbertus*. De mensium duodecim nominibus. Iulius.

³⁹ *Hammer*. Charlemagne's Months... P. 12.

⁴⁰ *Wandalbertus*. De mensium duodecim nominibus signis culturis aerisque qualitibus // MGH Poetarum latinorum medii aevi. Vol. 2. München, 1978. P. 604–616.

⁴¹ *Borst A.* The Ordering of Time: From the Ancient Computus to the Modern Computer. Chicago, 1990. P. 44.

явлениям, с которыми сталкивались земледельцы. Согласно ученому монаху, задача императора состояла в том, чтобы перебросить мост между сельскохозяйственными работами и римским календарем⁴².

В представлении Эйнхарда, задача основателя империи состояла в замене латинских и варварских названий месяцев их единым списком. Предлагаемый календарь не брал за образец отдельный региональный сельскохозяйственный цикл, но составлял обобщенную картину года, которая сводила вместе античные и средневековые представления о ритмах года⁴³. Например, Эйнхард писал, что Карл называл март «месяцем весны», что немного рано для Франции или Германии. Более поздние средневековые календари обозначают начало весны как апрель (во Франции) или май (в Германии). Однако, как и Авзоний, христианский поэт IV в., живший на р. Мозель, Эйнхард считает, что Карл Великий должен был следовать классическим образцам, объявляя началом весны март⁴⁴. Таким же образом, в представлении ученого монаха, король франков должен был назвать июнь «месяцем пара», что не является точным описанием сельскохозяйственных работ этого времени года. Например, календарь из Зальцбурга описывает этот месяц как время действий, похожих и на боронование, и на распашку паровых. Другим примером является сентябрь, по свидетельству историографа франков названный «лесным месяцем». Известно множество различных занятий, которым крестьяне посвящали свое время в этом месяце. Например, они могли собирать хворост для топки или рубить лес для строительства. В то же время, Вандальберт, равно как и *Capitulaire de villis*, упоминает, что в сентябре крестьяне отпускали свиней в лес кормиться желудями⁴⁵. Итак, в представлении Эйнхарда, Карл стремился создать обобщенный календарь, который мог быть использован как на юге, так и на севере его империи.

Обобщенный характер некоторых описаний месяцев также свидетельствует, что названия, приписываемые Эйнхардом Карлу Великому, не были просто «жанровыми сценками». Исследователи подчеркивают, что они играли роль предписаний: не просто фиксировали привычные работы, но также указывали, что следовало делать подданным Каролингов. Интересно, что историограф Карла Великого видел его империю не как чисто крестьянскую: названия двух месяцев показывают, что она была прежде всего христианской. Декабрь был «месяцем Праздника», т.е. празднования Рождества, а апрель — «месяцем Пасхи». Идеальный образ императора подразумевал включение повседневной крестьянской деятельности в циклы христианского календаря. Поэтому можно говорить о том, что в среде образованных деятелей церкви, участвовавших в создании каролингской империи, сформировалось понимание того, что ритмы календаря могут выполнять функцию власти.

Вне зависимости от того, было ли переименование месяцев на самом деле или это только выдумка Эйнхарда, оно показывает важную смену представле-

⁴² White L. *Medieval Technology and Social Change*. Oxf., 1962. P. 78: «Charlemagne's renaming of the months indicates how large the new agricultural cycle loomed in this thinking...»; Bullough D. *The Age of Charlemagne*. L., 1965. P. 192.

⁴³ Geuenich D. *Die volkssprachige Überlieferung der Karolingerzeit aus der Sicht des Historikers* // *Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters*. 1983. 39. P. 124–125. Более общий подход см. в: Elias N. *Time: An Essay*. Oxf., 1992. P. 53–56.

⁴⁴ Ausonius. *Ecloga VII*. 18 // *Ausonius. Eclogae* / Ed. and trans. H.G.E. White. Vol. 1. L., 1961. P. 192–193.

⁴⁵ *Capitulaire de villis*. Cap. 25 // *MGH Capitularia*. T. 1. P. 85; Brühl C. *Fodrum, gistum, servitium regis: Studien zu den wirtschaftlichen Grundlagen des Königtums im Frankenreich*. Bd 1. Köln, 1968. S. 58; *Wandalbertus. De mensium duodecim nominibus*... P. 612–613.

ний о государстве Каролингов. Это переименование свидетельствует, что король и его элита пытались по-новому использовать символы власти Римской империи. Ведь названия месяцев римского календаря напоминали прежде всего об истории и традициях, о римских богах и первых императорах. Римский календарь (а в общем случае любой способ измерения времени года) был отражением имперских амбиций, потому что правители использовали изображения сезонов «как символы императорских полномочий, успехов и благословения империи»⁴⁶. Жители средневековой Европы стремились по-новому подойти к культурному наследию Римской империи и использовать его для того, чтобы создать новые символы в королевстве франков. Ведь если верить Эйнхарду, переименование месяцев шло в ряду с другими мерами, которые подчеркивали имперские амбиции окружения франкских королей. Этот историк сообщает, что «после получения права именоваться императором в Рождество 800 г.» Карл Великий наряду с календарной реформой «приступил к преобразованиям законов своего народа»; он также потребовал записать и запомнить «древнейшие варварские песни, которыми праздновались дела и сражения предыдущих королей». Так, создание новых названий месяцев, в глазах Эйнхарда, представляло собой часть программы по созданию империи франков⁴⁷.

Особенно важно отметить, что интерес Карла Великого и его двора к астрономии и вопросам создания нового календаря не был попыткой перечеркнуть влияние повседневности на практику и идеологию управления империей. Реформы календаря говорят о том, что император пытался выполнять роль правителя, который устанавливает гармонию между небесами и землей⁴⁸. А нововведения в способах осмысления года, которые появились при Карле Великом в хронологических энциклопедиях, составленных его соратниками, показывают, что язык власти складывался с учетом ритмов повседневности. По изменениям в календаре и попыткам его реформы видно, что, хотя у франкских властителей и деятелей церкви и было желание видеть себя наследниками Римской империи, они отдавали себе отчет в том, что их «империя» состоит из земледельцев, живущих к северу от античного Средиземноморья, и что они никогда не смогут воссоздать образ жизни, характерный для их предшественников.

ADAPTATION AND USE OF CLASSICAL HERITAGE IN THE CAROLINGIAN RENAISSANCE: CALENDAR REFORM OF CHARLEMAGNE

D. N. Starostin

The article considers the calendar reform carried out by Charlemagne against the backdrop of recent debates about the use of the calendar within the framework of Carolingian expansion. The author supposes that there is no need to draw a clear border in the learned time-keeping (astronomically and mathematically informed) and maintains that Carolingian rulers and their entourage, much as their ecclesiastical historiographers, were proud of their Frank origin and consciously sought to adapt the Roman language of power to the realities of the Frank kingdom.

⁴⁶ *Hanfmann G.M.A.* The Season Sarcophagus in Dumbarton Oaks. Cambr., 1951. P. 184; *MacCormack S.* Art and Ceremony in Late Antiquity. Berkeley, 1981. P. 112–113, 127, 172, 218–219.

⁴⁷ *Hammer.* Charlemagne's Months... P. 9.

⁴⁸ *Borst A.* Das Buch der Naturgeschichte: Plinius und seine Leser im Zeitalter des Pergaments // *Abhandlungen der Heidelberger Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-historische Klasse.* 1994. 1. S. 154–115.